

рода человѣческаго, кромѣ своихъ, конечно, они смиренно разсуждаютъ:

— Гм... Семь рублей. Какъ это можно! Народъ — тоже вѣдь вонъ откуда шель, обижать его понапрасну грѣшно, Господу Богу отвѣстишь. По нынѣшнимъ хлѣбамъ не грѣхъ полтинку накинута, а по мѣстамъ — и всѣ восемь можно дать.

Но и эти семь съ полтинкой и восемь — не больше какъ пробный шаръ, пущенный предъ народомъ съ цѣлю вызвать, какъ онъ взглянетъ на него. Ясно, что утомившіеся жнецы готовы вступить въ сдѣлку и изъ ожидавшихся 20 спустили значительно, поприбавили и земледельца, торгъ вертится около 10 руб., дѣло почти „на мази“, вотъ-вотъ ударить кто-нибудь порукамъ, „започнетъ“, и не больше какъ черезъ часъ площадь опустѣетъ. Всѣ съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ ожидаютъ рѣшительной минуты, что на площади возстановляются относительная тишина и порядокъ. Но чѹ... колокольчикъ! Въ продольной съ площади улицѣ видѣнъ столбъ пыли; онъ быстро подвигается впередъ, влетаетъ на базаръ, и глазамъ народа открывается взмыленная пара неукротимыхъ башкирокъ, плетенка на елабугскомъ ходу и въ ней сѣрый нанковый кафтанъ, сѣрое же отъ пыли лицо съ козлиною бородкою и пуховый картузъ на головѣ.

Пріѣзжаго узнаютъ тотчасъ же и въ народѣ слышатся слова:

— Приказчикъ Гольцовъ!.. Быть дѣлу!

— Все дѣло теперь изгажено, — ропщутъ арендаторы: — ахъ, пострѣли его наразно! Малость такъ не успѣли закончить...

Гольцовъ, по количеству собственныхъ и арендуемыхъ земель, представляетъ собою нѣчто въ родѣ степного короля, уставщика и заправилы, по камертону котораго поетъ вся палестина.

Между тѣмъ, пріѣхавшій круто осаживаетъ лошадей и, не выходя изъ телѣжки, зычнымъ голосомъ кричитъ:

— Эй, народъ! Азія! Почему цѣна?!

Обмѣркины и Обвѣскины — мелюзга въ сравненіи съ Гольцовымъ — только искоса посматриваютъ на пріѣзжаго, а онъ, не обращая на нихъ вниманія, продолжаетъ вызывать:

— Эй, вы! Пенза — толста нога! Сколько васъ тутъ, подходите! Какая, моль, цѣна?

Телѣжку окружаетъ толпа, изъ которой слышатся голоса:

— Десять монетъ хозяйственну ладять!

Пріѣзжій поднимается въ телѣжкѣ на ноги и кричитъ еще громче:

— Кто хочетъ на наши участки?! Двѣнадцать за десятину даю!..